

Во сне Шэнь Цинчэн сидела за домашним столом, уставленным яствами. Цзян Сюэцин и Гу Чэнлинь — по бокам, один суп наливает, другой еду подкладывает. Цзян Сюэцин погладила Шэнь Цинчэн по голове, вся в любви:

— Вот это моя хорошая девочка.

Шэнь Цинчэн улыбалась, то на Цзян Сюэцин глядя, то на Гу Чэнлиня. Семья — полная гармония.

Гу Чэнси стояла в длинном тёмном коридоре. Хотела подойти — но сколько ни бежала, расстояние не сокращалось. Коридор — тёмный, а счастливая семья впереди — светлая. Кажется, близко, а дотянуться нельзя. В другом конце коридора тоже свет возник. Взглянула — Лин Тань и Шэнь Наньшань стоят рядом, холодно на неё смотрят, лица — сплошное отвращение.

— Ты не наш ребёнок. У нас нет такой дочери.

Свет с обеих сторон погас. Осталась только тьма — и она одна. Слезы хлынули, по щекам потекли...

В этот момент зазвонил телефон.

Гу Чэнси с трудом открыла глаза, смахнула слёзы, взяла трубку.

Звонила Цзян Сюэцин.

— Вечером столик в ресторане на ваш день рождения забронировали. После уроков тётя Линь вас заберёт, поедете вместе, — в трубке Цзян Сюэцин тараторила, с ней как с ребёнком обращалась. — Смотри, всех поприветствуй.

В горле у Гу Чэнси ещё стоял ком. Пробормотала:

— Угу.

Цзян Сюэцин недовольна:

— Ещё не встала? Почему так поздно? Позавтракала хоть?

Гу Чэнси, боясь бесконечных нотаций, поскорее отбрехала и положила трубку.

Провела рукой по подушке — мокрая от слёз.

Весь день прошёл вяло. Ду Минмин несколько раз заговаривала — без толку.

Школа при Педагогическом университете — интернат. Многие ученики издалека, поэтому в выходные отпускают пораньше — чтобы успели домой. В четыре тридцать дня уроки закончились.

Ученики, неделю взаперти просидевшие, стайей птиц ринулись на выход.

Гу Чэнси получила от Лин Тань сообщение: «У ворот». Взглянула на соседнее место — Шэнь Цинчэн нет. Может, уже ушла? Решила сразу к Лин Тань идти.

Машина Лин Тань у самых ворот стояла, легко найти. Гу Чэнси, слегка смущённая,

поздоровалась и села сзади. Лин Тань сегодня была в цветочном ципао, в ушах — жемчужные серёжки, чёрные кудри — изящно уложены. Выглядела мягко и очаровательно.

Она не спросила, почему Гу Чэнси одна. Сказала ласково:

— Подождём Чэнчэн и поедем. Не жарко? В холодильнике мороженое свежее, хочешь?

Гу Чэнси скованно отказалась:

— Тётя Линь... Не хочется. Спасибо.

На заднем сиденье сидела, выпрямившись, — не по себе. К переменам в жизни ещё не привыкла, да и как с Лин Тань и Шэнь Наньшанем, родными родителями, общаться — не знала. Чужими казались. «Мама», «папа» не выговаривались, о чём говорить — непонятно, даже улыбнуться — скованно.

Вообще-то, к Лин Тань она неприязни не испытывала. Та была красива: кожа светлая, статная, черты изящные. Даже в Линьчэне, где красавиц хватало, она выделялась — истинная южанка. Да и не давила Лин Тань, не пыталась постоянно разговаривать, как Цзян Сюэцин с Шэнь Цинчэн. Говорила только по делу, тихо, голос — как весенний ветерок, тянет к ней.

Иногда Гу Чэнси даже досадовала про себя: все говорили, её глаза на Лин Тань похожи, но откуда тогда в ней этой мягкости и утончённости нет? Одна прямолинейность. Из-за этого перед Лин Тань она ещё больше робела.

Пока она в затылок Лин Тань задумчиво смотрела, подошла Шэнь Цинчэн. Открыла дверь, села на переднее сиденье, привычно пристегнулась.

Лин Тань закрыла дверь, завела мотор, руль в руки взяла, небрежно бросила:

— Чэнчэн, в холодильнике мороженое.

В голосе Шэнь Цинчэн — лёгкая радость:

— Шоколадное?

Лин Тань голову слегка повернула:

— Конечно. Сиси, передай, пожалуйста, холодильник сзади.

Первая часть фразы — Шэнь Цинчэн, в голосе — любовь да живость. Вторая — к обычной мягкости вернулась, но контраст слышен: вежливость, отстранённость.

Гу Чэнси «угу» кивнула, холодильник нашла, вафельный рожок с мороженым достала, Шэнь Цинчэн протянула.

Та взяла, улыбнулась ей — и не скажешь, что они последние дни почти не разговаривали.

Ну и актриса!

Гу Чэнси мысленно фыркнула.

Мороженое большое: в хрустящем вафельном рожке три коричневых шарика. Шэнь Цинчэн аккуратно откусывала, причмокивая:

— М-м, мам, это же то самое, ручной работы?

Лин Тань на неё взглянула, улыбнулась:

— Ага, сразу узнала. Рот вытри, взрослая уже, а ешь — как котёнок измазанный.

Слова — упрёк, а в голосе ни капли. Глаза — одна нежность.

— Ма-ам, не ругай. Я в школе так мучаюсь, хоть тут поем. Котёнок так котёнок, никто не видит. Потом вытру.

Хвостик фразы Шэнь Цинчэн протянула, голос мягкий, бархатный, с девичьей игривостью — ни дать ни взять другой человек, не та холодная особа из школы.

Гу Чэнси к окну отвернулась.

Машина медленно с университетской территории съехала, в общий поток влилась.

Из динамиков музыка полилась — спокойная, мелодичная.

Почему-то Гу Чэнси в этой мелодии одиночество и тоску уловила. Подумала: «Лин Тань такую любит...»

Много лет спустя Гу Чэнси иногда этот момент вспоминала: музыку, Лин Тань, что за ними приехала, шоколадное мороженое, что хотелось, но попросить постеснялась. Название мелодии она потом узнала — «Пейзажи родного края». А вот чего не знала — как бы сложилась её история с Шэнь Цинчэн, приехали бы за ними Цзян Сюэцин или Гу Чэнлинь.

Но у судьбы «если» нет.

В тот летний вечер невидимая рука судьбы слегка коснулась, едва заметную рябь подняла. Последствия же — лишь много позже проявятся...

В выходные главная дорога загружена больше обычного, но не до пробок. Машины вереницей тянутся, то трогаются, то стоят. Кто-то, правила нарушая, в щели между рядами втискивается, о других не думая.

Лин Тань несколько раз подрезали — даже у неё, кроткой, терпение лопнуло. К впереди идущей прижалась — та резко затормозила, среагировать не успела, в заднюю долбанула. К счастью, скорость небольшая, все трое лишь толчок почувствовали, даже не испугались.

Водитель впереди идущей быстро вышел, место удара осмотрел, подошёл. Лин Тань тоже вышла.

Гу Чэнси окно опустила, высунулась.

Подошла стройная женщина. Возраст неопределённый — то ли тридцать, то ли сорок пять. Волосы — пышные волны, помада — ярко-алая, платье до пола — бордовое. Весь облик — смелый, броский.

— Лин Тань?

— Синь Юэ?

Оказалось, знакомы. Но, судя по всему, давно не виделись.

Гу Чэнси всегда за взаимодействием людей с интересом наблюдала. Сейчас тоже смотрела — старые подруги встретились. Краем глаза заметила: Шэнь Цинчэн тоже в их сторону смотрит, да ещё и прищурилась.

За это время Гу Чэнси подметила: прищуривание у Шэнь Цинчэн привычка. Эмоции разные выражает — интерес, задумчивость, восхищение. Будто глаза её — фотоаппарат, щурясь, снимок делает, момент этот в памяти отмечает.

<http://bllate.org/book/15948/1425778>